

Одна против всех.
Психологические триллеры

ЗАБЫТЬ
НЕЛЬЗЯ
ПОМНИТЬ #ОДНА ПРОТИВ
ВСЕХ

Агата Горай

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Разработка серийного оформления
М. Коняевой

Горай, Агата.

Г67 Забыть нельзя помнить / Агата Горай. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.— (Одна про-
тив всех. Психологические триллеры).

ISBN 978-5-04-097711-6

Кира Медведь провела два года в колонии за преступление, которого не совершала. Но сожалела девушка не о несправедливости суда, а лишь о том, что это убийство в действительности совершила не она. Кира сама должна была отомстить за себя! Но роковой выстрел сделала не она. Чудовищные воспоминания неотступно преследовали Киру. Она не представляла, как жить дальше, когда ее неожиданно выпустили на свободу. В мир, где у нее ничего не осталось.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горай А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097711-6

КИРА МЕДВЕДЬ

Ноябрь 1998

*Раз, два, три, четыре, пять —
вышла Кира погулять...*

«Погулять», смешно.

Детская считалочка — просто чтобы хоть чем-то занять бесполезный мозг во время так называемой прогулки. Обычно я считаю шаги, их бывало сто — иногда полтысячи, а сегодня захотелось игры.

*Раз, два, три — я стою в крови.
Три, четыре, пять —
вот пятно опять...*

Спустя неделю моего пребывания в женской колонии «Касатка» я обнаружила на полу в камере целых три бурых лужи. Кровь невозможно спутать ни с чем, если ее не отмыть сразу — она навсегда въедается во что бы то ни было: руки убийцы, человеческую душу или цементный пол. Судя по оттенку — лужи поя-

вились на полу в разное время и, ясное дело, вытекли из незнакомых друг другу людей. Кем были эти несчастные? А сколько приговоренных к разным срокам душ покинули этот мир, не оставив после себя даже кровавого отпечатка: повесившись или отравившись? Совершив какое преступление, они не смогли справиться с чувством вины и выбрали смерть? А не все ли равно? Не о том думаю. Преступление у каждого свое, и все расплачиваются за него по-своему — кто-то в этом мире, кто-то уже в ином.

Сегодня у меня маленький юбилей — семьсот тридцать дней молчания. С моим речевым аппаратом все в полном порядке. У меня не своровала язык кошка, мне просто больше нечего сказать этому миру. Я по своей воле отказалась произносить слова, мне так спокойнее.

Следователь, который вел мое дело, оценил молчание как необоснованное высокомерие и самодовольство. Доктора, обследовавшие меня, разглядели в моем нежелании говорить сразу несколько разновидностей афазии. И любезно пояснили, что это за зверь такой: афазия — локальное отсутствие или нарушение уже сформировавшейся речи. Интересы развенчивать безумные и глупые домыслы всех этих людей у меня не было и нет. Я просто продолжаю молчать.

Четыре грязно-серые стены одиночки и небо сквозь решетку — реальность, которая меня вполне устраивает.

У меня ужасно болят все кости — лопатки, копчик, локти. Синяки по всему телу выразительно кричат о том, что за месяцы тюремного заключения внушительная жировая прослойка ничуть не спасала от жесткости тюремной койки. Кровать — деревянный настил, накрытый наполовину сгнившим матрасом, стол на одной ножке, намертво приколоченный к стене, табурет, раковина, унитаз и зарешеченное окно размером с подушку — скромный интерьер моих покоев. У кого-то небо в алмазах, а у меня — в клетку. Но я не жалуясь. Меня все устраивает.

Одиночка — это мой выбор, а не, как полагают многие, Уголовного кодекса. Я намеренно нарушаю тюремный устав, только бы оказаться в одиночке. Я не нуждаюсь в социуме и в общении. Мне не интересны судьбы других несчастных, которые то и дело норовят «поговорить по душам». Меня раздражают рассуждения о светлом будущем вне этих стен, раскаяние и обеты избрать верный жизненный путь. Мне хочется одного — тишины и покоя, и я их получаю.

«Жизнь — боль» — читаю на одной из стен, практически у изголовья койки, слова, напи-

санные, скорее всего, углем. «Отсижу за чужие грехи и начну свою жизнь с чистого». Помада, что ли? «Провести остаток дней здесь не страшно. Страшно было жить в постоянной лжи, предательстве и изменах» — маркер, может быть, фломастер зеленого цвета, но такой огненный по смыслу текст. «Здесь была Я — Нонна Ветер. 1980–1985»; «Лучше смерти может быть только смерть»; «Отче наш, ижи еси на небеси. Да святится...»; «Черная вдова — да будет так!»; «1968–1972»; «1993 — прекрасно, что смертной казни в нашей стране больше нет, — отсижу и продолжу начатое. Л.В.»; «Жизнь, прощай. Если Ад в самом деле такой, каким его описывают, — я лучше перееду туда»; «Т.К.»; «Конец»; «Сiju за решеткой в темнице сырой... Но я не орлица, а он был КОЗЕЛ». Красные, синие, черные, зеленые надписи поверх затертой до дыр побелки исполняют роль обоев в моем нынешнем жилище, разных цветов и разного содержания, но общее у них все же нашлось — боль. Никто в подобные места не попадает просто так, каждого в клетку загоняет одно чувство — боль обиды, боль потери, боль предательства, боль измены. Кто-то из попавших в эту конуру оставил кровавый след, кто-то всего лишь каплю чернил, но я уверена, четыре стены отпечатались в душе каждого кровавым тавром.

*Раз, два, три, — запись тридцать три.
Три, четыре, пять, —
есть что почитать.
Шесть, семь, восемь, —
каждый что-то просит.
Девять, десять, ноль, —
в каждом слове боль.*

— Немая, на выход! — гремит, будто колокол в пустом храме, и эхом отдается внутри меня.

Абсолютно не понимаю, куда и зачем «выходить», но я «немая», поэтому без лишних вопросов шагаю к выходу.

— Руки давай. Свиданка у тебя с начальником. В твоём деле вроде как появились новые факты. — Двухметровая «сторожевая» тетка надевает мне браслеты, хватая за локоть и тащит так, будто я не человек, а репа, которую непременно нужно выдернуть из земли. — Уж не знаю — чего да как, но сдаётся мне, что ждёт тебя хорошая новость. Дуракам везет.

В колонии давно ходят слухи, что я с головой не дружу. Прознали здешние «владычицы» каким-то образом о моем проживании в психушке, и плюс к тому, что «немая», я ещё и «идiotка» у них. Хотелось бы, чтоб так оно и было, может, с диагнозом дебилизм или идиотизм, если таковые существуют, мне было бы легче принять реальность.

— По мне, так зря в нашей стране нет смертной казни, такие нелюди, как ты, не имеют права топтать землю. Тебя выродили, вырастили, воспитали, а ты... — Каждое слово звенит холодной ненавистью. — Эх, была б моя воля!..

Я как-то слышала, как эта самая «сторожевая» гоняла по тюремным коридорам крысу (их здесь хватает), только от одних ее воплей — «Стой, тварь! Все равно ведь поймаю! Лучше я тебе голову размозжу одним махом, чем ты долго и болезненно будешь подыхать от яда. Искать спасения бесполезно, мерзкое животное! Как же я вас ненавижу! Какие же вы мерзкие!» — можно было отдать Богу душу. В этом вся человеческая сущность — в ненависти ко всему и всем. Но по поводу смертной казни я с ней согласна — зря ей нет места в нашем государстве. Как бы это было здорово — ток по венам или инъекция, да даже расстрел, и тебе больше никогда не придется думать и анализировать, чувствовать и сходить с ума, все в один миг прекратилось бы...

— Пришли. — Серые лабиринты коридоров быстро приводят к двери, обшитой черной кожей, и надзирательница, на миг ослабив хватку, стучит. — Заключенная Медведь Кира доставлена. Ей можно войти?

— Да.

Впервые за два года я оказываюсь в кабинете начальника колонии, если быть точной — начальницы. Маленькая хрупкая женщина лет пятидесяти, с небрежной гулькой цвета сгнившей соломы на голове и огромными очками на носу нелепо смотрится в большом просторном кабинете. Общее у помещения и его хозяйки одно — серые, почти черные «одежды». На женщине цвета темной ночи костюм. Шторы такого же цвета и фактуры занавешивают окно. Мебель: железный шкаф, пара стеллажей, забитых папками, книгами, журналами, стол, стулья, в углу, у окна, кованая подставка с несколькими зелеными вазами — и все это в черно-сине-зеленых тонах. Мрачно и неуютно. Но, видимо, начальница чувствует себя в подобной обстановке вполне комфортно. Я же, в своем насыщенном синем комбинезоне, являюсь самым ярким пятном в царстве темных тонов. Да и рыжий ежик на голове — просто пылает.

— Присаживайтесь. — Голос звучит мягко, вполне соответствует образу женщины, но точно не ее должности. — Вокруг да около ходить не стану. Некогда мне вести долгие беседы.

Чего-чего, а сидеть мне точно не хотелось, но я послушно присаживаюсь на один из трех стульев. Объяснить свое неповиновение все равно не смогу, лучше уж сесть.

— Только что у меня был господин Беликов, напомню — это следователь, который вел ваше дело, вдруг вы запамятовали. Так вот. Уже сегодня вы свободный человек, и, надеюсь, завтра, не только на бумагах. В крайнем случае два-три дня — и вас выпустят. Но не думаю, что это затянется. Государству ни к чему кормить лишний рот.

Абсолютно ничего не понимаю, но и раскрывать рот не хочется, я привыкла к безмолвию.

— Думаю, вам интересно узнать, с чем связан этот радикальный поворот в вашем деле. Вот, — худосочные руки протягивают мне какой-то лист бумаги, — прочтите. Откровенно говоря, я отказываюсь понимать — почему вы все это время молчали. Осознанно провести два года жизни в клетке за чужие грехи... Не мне судить о вашем психическом и душевном состоянии, но в подобной ситуации не могу не согласиться с мнением моих подчиненных, которые предполагают у вас некое психическое расстройство. Вот только они считают вас безумной оттого, что вы учинили безжалостную расправу над собственными родителями; я же думаю, ваше безумство заключено в том, что вы даже не попытались объяснить и очистить свою репутацию. До сегодняшнего дня я вообще не размышляла на ваш счет — убийца, с какой стороны на него ни взгляни, остается убийцей. А сейчас...

Женщина замолкает. А мои глаза медленно скользят по немного пожелтевшему листу бумаги. Аккуратный отцовский почерк узнаю с первых слов:

«Дочка, если сможешь когда-нибудь простить нас с матерью — прости. Мы подарили тебе жизнь, и мы же почти уничтожили ее. Продолжать тащить и дальше на себе этот груз нет ни сил, ни желания.

Людское мнение было когда-то важнее здравого смысла, важнее твоего здоровья, твоего будущего... Да что там, важнее самой жизни. Важнее самого главного — счастья стать дедом и бабой. Когда в наших головах случилась подмена истинных ценностей — одному небу известно, и да простит нас Господь за это. Хотя нет, я даже не пытаюсь просить у него помилования.

Надеюсь, у меня получится все исправить, и ты еще успеешь пожить в радость. А для нас с матерью, уверен, припасено теплое местечко в Аду уже давно. Это нас нужно было закопать в сырую землю еще при рождении, а не ни в чем не повинное дитя, твое дитя.

Дочка, строй свою жизнь так, как считаешь нужным, и никогда, слышишь — никогда не обращай внимания на чужие пересуды, мнения, оценки, ожидания. Жизнь твоя! Жизнь одна! Плюй на чужие мнения — ведь тот, кто

судит, возможно, уже завтра отправится на тот свет. Тебе дальше жить с тем камнем, который он навесил на твою шею своим косым взглядом; с тем поступком, на который он тебя побудил. Люди поговорят да забудут, а ты — никогда.

Одному Господу известно, как сожалею я о том, что осознание этого пришло ко мне слишком поздно. Хотя я очень надеюсь, что для тебя еще не слишком.

Дочка, мы с матерью благословляем тебя на счастливую жизнь, а сами будем покоиться с миром и вымаливать у Господа счастливой для тебя доли. А нам уж ничего не нужно. Мать, как всегда, не согласна с моим решением, но впервые в жизни я поступлю против ее воли (что нужно было сделать много лет назад). Мы достаточно долго безнаказанно топтали эту землю, думаю, пришло время заплатить за свои грехи и вымолить тебе Рай на Земле.

Для следствия:

В моей смерти и смерти моей супруги прошу никого не винить — я все решил сам и за все свои злодеяния сам понесу наказание, пусть даже в другой жизни.

Георгий Медведь».

Странно это читать. Отец никогда не верил в Бога, да и в черта тоже.

Руки дрожат, а сердце не знает, как ему быть — то ли вырваться наружу, то ли замереть навсегда. Доставило ли мне радость это послание из загробного мира? Нет. Сумею ли я простить? Нет. Счастлива ли я оттого, что мне дарована свобода? Нет.

Следователь постоянно задавал мне один и тот же вопрос — как можно быть настолько бессердечным ребенком, чтоб из охотничьего ружья двумя точными выстрелами снести родительские головы? А я вот уже второй год сожалею, что это была не я. Страсти немного улеглись, но даже сейчас моя рука не дрогнула бы. Раны до сих пор кровоточат. Даже сейчас я бы спустила курок, глядя прямо в глаза мамочки и папочки, как когда-то они смотрели в мои глаза и делали свое грязное дело.

— Я уже занимаюсь подготовкой всех необходимых документов, а вы можете смело упаковывать вещи и благодарить своего дядю до конца дней своих.

В голове туман, а глаза застилает какая-то непонятная пелена, но точно не слезы. В мыслях пульсирует вопрос. И, кажется, мысли мои настолько громкие, что начальница слышит и отвечает: